

СТАЛЬНАЯ КЛЕТКА

Дмитрий Гвоздев

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Гвоздев

Стальная клетка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69334471

SelfPub; 2023

Аннотация

Жизнь детектива Сэма пошла под откос, когда его невеста пропала без следа много лет назад. Теперь ему приходится выживать в огромном железном мегаполисе, справляясь с депрессией. Но вдруг на его пороге оказывается красивая девушка, которая ищет своего возлюбленного. Это дело один в один похоже на дело его невесты. Ураганное расследование в городе победившего киберпанка раскроет древнейшую тайну цивилизации и поставит под угрозу жизнь целой планеты.

Содержание

Гостя	4
Три встречи	30
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дмитрий Гвоздев

Стальная клетка

Гостья

4:30 на часах. Таблетки доктора Котлона закончились в аптечке еще накануне. Но вчера меня усыпил бурбон, а сегодня предал и он. Пора бы за новым рецептом зайти. Но я не хочу снова слушать байки о том, что если не слезу с колес, то у меня отвалится печень. Делов-то, могу и на новую заработать, наверное. Когда я так говорю, белый халат по ту сторону стола спрашивает: «А когда мозг отвалится, ты чем будешь на него зарабатывать?». Обычно я отшучиваюсь, ухожу от темы.

Котлон умный врач, но главное, он вовремя выписывает рецепты. А между этим все твердит, мол, сходи ты уже к мозгоправу. Сыплет визитками надежных и проверенных психотерапевтов. Всего две-три тысячи в месяц два-три года – и будешь спать как младенец. Идиот, я не хочу просыпаться каждый час и орать. Я просто хочу спать как взрослый мужчина, захватив собою всю кровать.

Я встал и открыл окно. Внутри моей конуры тут же воцарилась сырость и шум ночного Полиса. Где-то ревела сирена полиции, на мокрые улицы падали красно-синие блики.

Откуда-то доносился рев мотоциклов, у кого-то под окном орали коты. Я вдохнул сырой воздух и закурил. Голова кружилась, в горле была горечь. Пусть дым там все разгонит и наведет порядок.

Рассвет через час. Где-то за горизонтом, которого отсюда не видно, выползет огромный красный шар и с присущей ему ненавистью начнет выжигать эту проклятую землю. И поделом ей, думал я, стоя без трусов у стеклянного фасада и разглядывая сырой металлический город. И поделом.

«Кира! – крикнул я в ту сторону своей конуры, где прозябал холодильник и высилась в мойке гора кружек. – Кофе!». Пора уже проснуться. Планов на день нет, заказов – ноль. Поэтому нужно будет обойти информаторов и разнюхать, что нового происходит в узких железных проулках Полуса.

В кухонном углу мелькнули огоньки – Кира проснулась. «Вы запретили готовить вам кофе, мастер». Бездна! Сердце шалило месяц назад, тахикардия. Не мудрено, с такой работой.

– Я отменяю запрет, расслабься, красавица!

– До окончания действия запрета... – Кира на секунду призадумалась, моргнула пару раз огоньками и продолжила: – 283 дня.

– Скоооолько? Тупая железка! – Я в своей фантазии пнул робота, и там он вдребезги разлетелся до последнего винтика. В этой же фантазии я еще зачем-то пару минут топтал

ногами его осколки, смеялся, улюлюкал и курил свободной от ударов рукой.

– Повторяю, до окончания действия запрета 283 дня, – уже без запинки повторила красавица.

Громко топая босыми ногами, я подошел к ней, к этой железной коробке с комичными манипуляторами. Над двумя огоньками, которыми она приветливо моргала, я давным-давно нарисовал маркером реснички. Руки сжались в кулаки.

– Скажи еще раз, и я ...

– Повторяю, до окончания ...

– ДА ЗАТКНИСЬ УЖЕ ТЫ!

– Противоречивый запрос....

Сука. Придется решать иначе. Я натянул штаны, воткнул босые ноги в еще сырые с вчера ботинки, накинул на голый торс кобуру с пистолетом, плащ и поднял воротник. Не знаю как, но в руках оказались темные очки. Очень актуально в самый темный, предрассветный час. Впрочем, почему бы и нет. В конце концов, кто вообще сказал, что я не могу выйти из дома в 4:30 в темных очках и с голым торсом? Я срал на чужое мнение, мне просто нужен был кофе.

На улице пахло керосином, помоями и ссаниной. Да, Даск – не лучший район для жизни. Поэтому без ствола я тут не хожу. Ладно, кого я обманываю. Я сплю с пистолетом под подушкой, под ванной у меня плазменная винтовка для особо тяжелых переговоров, а над дверью в прихожей лучевая систе-

ма, которая испепелит любого гостя. Легален из этого только пистолет – старый азурский «Порядок». Дело, конечно, не только в отвратительном районе – это все, скорее, профессиональная предосторожность, которую доктор Котлан предпочитает называть паранойей, чтобы выбить из меня больше денег на лечение.

Однако с введением комендантского часа тут стало все же спокойнее. И вместе с тем скучнее. Раньше поход за сигаретами к ночному ларьку мог закончиться чем угодно, кроме шуток. Все зависело от того, торговали ли там нам новые хозяева химией, кто крышевал ларек на этой неделе, кто возле него терся и кто мог встретиться по пути. Анархисты, панки, жестянщики, аборигены, торчки, еретики или Синдикат – ассортимент банд в Даске огромный, их отношения запутанные. Тоскую немного по тем временам.

Но сегодня была просто какая-то тишина. Пара торчков на лестничной клетке проводила меня стеклянными глазами. Какие-то звериные рыла бездомных смотрели из картонных коробок на моем пути сквозь дворы. Но страха не было. Живу я тут давно, и, если какая-то тварь еще не выучила, что со мной иметь дело плохо, – это ее проблемы, не мои.

«Да и дворы эти родные», – думал я. Но что-то было не так этим утром. Там, где раньше был узкий проход между тридцатиэтажками, появилась узкая свечка нового подъезда! Чертов автополис, гребаная железная клетка! Решила нас тут уплотнить, воздвигнув за пару часов новый подъезд.

Невозможно привыкнуть к тому, что город умнее тебя. Сука! Я плюнул в новенькую железную стенку, еще не покрытую ржавчиной и граффити, как все соседние стены. Придется идти в обход.

Тупые туристы из других межзвездных государств, Дома Азур, Дома Ив, прилетают сюда, чтобы смотреть на автополис и дивиться диву. А мы, как звери в зоопарке, живем в этой клетке и жаримся каждый день на железных улицах. Как цыплята на гриле. Они сами себе строят города, станции на орбитах, а мы вот, мол, счастливички, ха! Я не выбирал это место для жизни, а был бы выбор, поселился бы на какой-нибудь планете, где есть леса. В лесу бы и жил. Срубил бы себе хижину, охотился, скот бы завел. А вечерами, искупавшись в прозрачной речушке, просто слушал бы звуки леса да жарил цыплят на гриле. И молоденьких цыпочек. Откуда им взяться в лесу? Ой, отстаньте.

Но все было хуже. Когда-то до войны тут была еще Империя Прайм, и этот кусок галактики был провинцией Отао. Это именно сюда в первую очередь прилетели шарголы – разумные космические грибницы. Говорят, тут тогда леса были, реки. А эти твари все уничтожили, и планета опустынела. Кто-то, конечно, выжил, одичал, начал молиться духам, пескам и ветру.

Говорят, несколько тысяч лет прошло. Никто не знает, сколько точно. С другой планеты бывшей Отао прилетела Корпорация Наг. Там после войны еще оставались какие-то

технологии. Они начали торговать с местными, их ученые и открыли КУБ. Странный такой подземный куб железа. Когда его откопали, он начал шевелиться и построил небольшую заставу для археологов на поверхности. И чем больше становилось любопытных людей на заставе, тем больше он рос, сам себе добывая ресурсы под землей. Сейчас в этой железной клетке живет больше миллиарда человек. А железка все растет и бед не знает. Любимый автополис. Фу!

Когда уже все миры бывшей провинции Отао стали Домом Наг и Корпоративным Альянсом (ДНКА написано на флагах повсюду), они взялись хоть как-то восстановить экосистему Сигеля, нашей планеты. Для этого решили сначала увлажнить мир. И вот уже 500 лет в пустыню на другом полушарии бросают огромные глыбы космического льда из астероидного пояса системы. Не знаю, как это работает, но дожди тут теперь регулярно. Говорят, что где-то уже есть озера и оазисы, но сам я там не был. Может, просто очередной пропагандистский вброс.

Люблю ненавидеть наш мирок. Он железный, но в нем столько гноя! Я все думаю об этом, когда голова работой не занята, а мыслей всех так и не выдумаю никак. Пора начать записывать их. Куплю розовый блокнот с блестками и назову его «Дневничок моей ненависти». Бездна! Кажется, доктор Котлон как раз советовал что-то такое сделать....

Тем временем я дошел до точки. Круглосуточная кафешка на границе района источала ароматы кофе еще за квартал.

Магия утра была близко. Неоновая вывеска мигала и отражалась в огромных лужах. Там было что-то на пустынном наречении, какие-то иероглифы про теплоту и заботу. Но я-то знал правду. Корпорации снова всех обманули.

Когда люди перестали доверять корпам, сильно вырос спрос на маленькие домашние забегаловки. Что сделали корпорации? Правильно, скупили те семейные кафешки, что были, и открыли новые в том же формате. Капитал всегда окажется в выигрыше. Поэтому внутри была вывеска-благодарность, где вам говорили, что, выбирая здесь кофе, вы поддерживаете малый семейный бизнес. На деле я каждый день плачу здесь «Ферме Джосон» – мегапроизводителю продуктов питания, который владеет почти двумя миллионами торговых марок.

Когда я хлопнул дверью, над моей головой прозвенел колокольчик. Ну мило же? Такой, знаете, не сиплый электронный «динь» из старого дешевого динамика, а настоящий «дзынь» настоящего колокольчика. Я уже знал, что к кофе возьму миндальный круассан и глазунью. Это будет отличный холостяцкий завтрак.

Но вместо приветливого господина Чо в семи халатах меня встретило семь пар одинаковых глаз. Абсолютно одинаковых. Клоны. В белоснежной броне нярьян-танов, частной полиции – главной гноящейся раны на теле города. Среди них трое анти-пси клонов. И высокий и непривычно бледный для этой планеты блондин. Они застали меня врасплох,

а я застал их, кажется, за перекусом.

– Ни с места! Комендантский час! – один из них бросил пончик на тарелочку и ринулся ко мне. Я уже знал все, что будет дальше.

– Так-так, что это у нас тут? – начал я, лениво обводя глазами скромное помещение кафе. – Семь Буратин и один настоящий мальчик? Или ты у нас волк, а это твои семеро козлят? – заглянул я в глаза человека-сержанта. – Или, может быть, ты – Белоснежка, а это твои семь гномов-любowników?

– Руки поднял! – рявкнул на меня клон. Ну а что мне делать. Поднял. Плащ и распахнулся.

– У него ствол! – крикнул второй буратино, и вот в мою дряблую волосатую грудь уже уставились точки-огоньки прицелов.

Сержант неспешно дожевал что-то, влил себе в пасть черный напиток из белой маленькой кружечки, вытер розовые губы тыльной стороной ладони. Поднялся. Ублюдок.

– Остряк, что ли? – спросил он низким спокойным голосом и осмотрел меня снизу доверху. Подошел в упор, качая бедрами, как баба. Затем снял с моего лица темные очки, заботливо сложил их и убрал в нагрудный карман моего же плаща. Ну спасибо за заботу.

– Лучше быть остряком, чем тупняком, да?

– Проверить его, – бросил сержант. Вблизи я разглядел острые скулы и сразу понял, что этот нарьян – настоящий азурец. Это такая военизированная кастовая теократия на

другом конце галактики, которая возникла на месте центральных провинций бывшей империи. Какие-то религиозные фашисты, как по мне.

Подскочил клон, забрал у меня пистолет из кобуры и сильной клешней прижал к стене, чтобы я не побежал. В это время у кого-то из них пикнул сканер. Я ощутил легкую вибрацию в левой руке, где у меня был вшит чип долголетия. А в него уже и цифровой паспорт.

– Так-так, что это у нас тут? – дразнил меня сержант. – Ого... – В какой-то момент его полный сарказма голос выдал что-то вроде искреннего удивления: – Ульянов Такома, частный детектив.

– И вам не хворать, – простонал я, пока рука клона прижимала мою шею к стене.

– Тот самый Такома, который посадил почти всю верхушку Синдиката, работая на Нарьян-тан...

– Почти всю... Вот из-за этого «почти» я просто Сэм, да? Особенно, блять, в этом районе...

Лицензия частного детектива, пришитая к цифровому паспорту, позволяла мне игнорировать комендантский час. И, конечно же, носить при себе оружие. Клон отпустил шею, и я начал жадно глотать воздух. Тварь бездушная, чтоб вас всех геномомешалкой переехало!

– Сэм, значит! О дух, посмотрите на героя корпорации, – сарказм снова вернулся в голос аzurского наемника, и он обвел глазами своих буратин. – Я не шучу, твои портреты и

награды повсюду в кабинетах начальства! А тут у нас ... – Гнида дышал мне в лицо кофейными ароматами и ухмылялся. А в моих фантазиях я сидел у него на груди и стрелял без остановки в его скуластую черепушку с двух рук, клац-клац-клац затворами! Мама дорогая, как разлетались мозги по мокрому тротуару!

– А тут у нас жалкое зрелище, парни, – продолжал сержант. – Ты воняешь, детектив, тебе нужно в душ. – Клоны за его спиной начали хихикать. – Этот перегар, круги под глазами, разбитые ботинки... А мог бы быть капитаном уже, как говорят. Ну и жить, конечно, в местечке поприятнее....

Меж тем я вставлял в расстрелянный череп азурца гранату, включал джетпак, отлетал на безопасное расстояние и наблюдал, как его башка разлетается на миллионы мелких осколков.

– ...в местечке поприятнее, а не в этом рассаднике зла, который нужно залить напалмом.

– Это ваша официальная позиция, сержант? – перебил я, возвращаясь в реальность.

– Пошел ты, «Сэм». Корпорации ты еще зачем-то нужен. – Он отошел от меня на пару шагов и уставился в свой микрокомпьютер на предплечье. В воздухе над бронированным белым наручем появился голографический экран. Он что-то потыкал там, а потом смахнул пальцем в мою сторону. От голографического экрана отделилось крошечное письмо и полетело ко мне. В этот же миг я снова ощутил вибрацию

в левом предплечье.

– Умойся, легенда, и возвращайся. Хороших сыщиков хрен найдешь в этой пустыне. . . – Азурец махнул рукой, и его отряд кукол построился и вышел из кафешки. – Я серьезно сейчас, почитай письмо – мне премия за кадры, а тебе жизнь нормальная.

– Катись в бездну. Пожалуйста. – Я выбрал столик подальше от того, где сидел этот урод, и запустил голографическое меню над столом. Ограждая себя от это скуластой морды. Он еще несколько секунд посмотрел на меня, то ли с жалостью, то ли с презрением, и вышел.

Мразь. Сука. Урод иноземный. Я уже видел перед глазами, как черная летающая машина Синдиката опускается на пути этого белоснежного патрульного отряда и разносит их в фарш плотным автоматическим огнем. Даск такой район, что все возможно. Пальцы добела вжались в стол.

Нарьян-тану всегда нужны крепкие люди с хорошей подготовкой. Поэтому, конечно, кадр родом из военной диктатуры тут был кстати. Когда я работал на корпорацию, мы о таких бойцах только мечтали. Они, как правило, не спешили покидать родной дом – там ты если родился воином, то уже попал в одну из высших каст. Знать, аристократия, если угодно. А этого, видимо, выкинули. Урод, я бы такого тоже выпнул. Хотя, впрочем, нормальные люди в полицию и не идут.

Еще пару раз представив, как мозги азурца растекаются по

асфальту, я выдохнул. Ненавижу бывших коллег – прогнивший серпентарий. Я много раз представлял, как прихожу в силовой броне в это логово коррупции и лицемерия и навожу там порядок при помощи двух пулеметов. Но однажды я спросил себя: «А толку? Смогу ли я навести там порядок и чистоту? Где гарантия, что я сам не стану драконом, победив дракона?» У меня такой уверенности в себе не было. Да и силовой брони с пулеметами.

Фух. Руки перестали непроизвольно сжиматься в кулаки. Вот теперь точно отпустило. Можно и кофе выпить.

Адского пекла на случилось – солнце если и взошло сегодня, то где-то высоко за облаками. Полис этого не заметил. Небо продолжило попытки смыть грехи горожан вместе с ними самими. Ученые говорили, что постоянные дожди в нашем полушарии – это отличная новость, мол, с водой и их стараниями экосистема придет в норму. Кто-то обещал, что нужно еще лет десять, кто-то говорил, что еще лет 200. Я никому не верил – что мертво, то мертво.

Мы научились протезировать органы и конечности, но мозг оживлять мы не можем. Так вот. У этой планеты огромная такая дыра в голове. Если я когда и найду свой лес с речкой и домиком, то это точно будет не здесь. А что тут будет после меня – плевать. Ну, может через 200 лет и зацветут тут сады. Правда, если дожди так и будут лить, я думаю, что Полис к тому времени заржавеет полностью.

Если природа и очнется, то точно не рядом с Полисом. Это место источает такое зловоние и негативную ауру, что будь я травой или деревом, то избегал бы селиться ближе чем в миллионе километров от этого места. Взошел, потянулся к солнцу, оглянулся... Полис? У, нет! Достал корни и пополз на них подальше.

Хватит лирики. Нужно было залететь в офис. Там в сейфе должна быть заначка на черный день. И этот день настал. И там же на рабочем компьютере лежат контакты моих информаторов в разных группировках. Дома я рабочее больше не храню – одной сгоревшей квартиры мне хватило.

Шпики помогают мне держать руку на пульсе криминального мира. Я не плачу им деньгами. Пожалуй, меня можно назвать торговцем информацией. Но это слишком громко. Короче, чем больше я знаю, тем выше шанс что-то заработать.

На крыше тридцатиэтажки, где я живу, последние 5 этажей – парковка для летающих машин, гравикаров. Денег у меня на нее нет, поэтому я храню авто по старинке – под окнами. Моя репутация и еще одна лучевая система позволяют мне не переживать за ее сохранность. Хотя, конечно, дело больше в системе. Пара глупцов сжарилась однажды заживо, пытаясь залезть под капот. Для остальных соседей это было уроком.

Я разблокировал свой старый ржавый пикап и залез внутрь. Кресло пассажира поросло каким-то грибком от сы-

рости. Впрочем, в наши дни сложно найти место, где бы не было этого чертового грибка. Машина завелась с пятой попытки. Проводка ни к черту, да и гравиподушкам, которые заменили летающим машинам колеса, ремонт нужен был уже лет пять как. Чудо, что старик еще держит высоту. Ну ничего, мы еще летаем.

Катушки проплевались искрами, и Даск остался внизу. Сквозь мутное стекло я видел перед собой Полис, залитый огнем прожекторов и неонам. Идеальные кубы и прямоугольники из рыжего металла и стекла, стоящие между идеально прямыми улицами одинаковой ширины. Те, что в центре, растут в день на один-два этажа. Их верхушки скрываются уже где-то за облаками. Там живут и работают главы корпораций. Может быть, для них сегодня и взошло солнце. Но не для нас. Да, у автополиса, кто бы из древних его ни придумал, совершенно не было вкуса к архитектуре. Но существовать в этих железных кубах и башнях всяко лучше, чем умирать в глиняных мазанках в пустыне без воды.

Хвала духу, мне не туда, где высотки. Мне дальше, в глубины Даска. Тут меньше огней, прожекторов и голографической рекламы. Мне туда, где начинается Стена – внешний периметр автополиса, защищающий город от песчаных бурь и диких монстров.

Дворники отвратительно скрипели по стеклу. Вжииии-ик-вжик. По радио выла какая-то певичка. Машина мерно гудела. Я думал о Стене и Полисе. Как-то же он понимал нас

и наши потребности? Как-то же эта умная железка знала, что нам нужна вода, канализация, свет, в конце концов, вытяжка в туалетах? Тысячи ученых ломают головы. В Империи таких городов не было. А тут сразу шесть на планетах бывшей провинции Оттао.

Говорят, это единственный в мире пример полностью искусственного интеллекта. Город сам добывает себе ресурсы, съедает весь наш мусор и отходы. Откуда-то из-под земли добывает воду и энергию. Чем больше я о нем думаю, тем сильнее начинаю понимать сектантов, которые его боятся и возвращаются к пустынным кочевникам. Серьезно, кто знает, что на уме у этого механического монстра? Что будет, если однажды он просто отключится?

Чушь все это. Но особого выбора у меня нет – к сектантам-кочевникам я не хочу. К азурам тоже, те еще отморозки. К ивам? Я мужик, а там правят бабы, кому я там нужен? Туда едут те, кто любит властных дам и жизнь на орбите.

За такими мыслями я долетел до офиса. Еще одна тридцатиэтажка на окраине, одна из миллионов. Рыжие с бронзовым отливом металлические стены, по которым стекает ручьем вода. Какие-то трубы из асфальта подходят к дому. Общий открытый коридор. В нем вывеска парикмахерской, в которой Синдикат отмывает деньги. За ней вывеска публичной прачечной, скорее всего их же. И моя потухшая табличка – «Сэм Саммерс, частный детектив». Ну привет, офис.

Вдруг чутье толкнуло меня. Незнакомое лицо в коридоре.

Лицо, сильно отличающееся от местных. Человек не из Даска. Красивая женщина в коротком летнем платье в крупный горошек. Не бледная, не под веществами. С большими растерянными голубыми глазами и темными короткими волосами. Она сидела на обшарпанном стуле в общем коридоре и сжимала небольшой клатч из кожи. В свете мигающей люминесцентной лампы она была тут максимально чужой. Ей бы в центр, в свет неоновой корпоративного мира. Но здесь?

– Мадам? Могу чем-то помочь?

Она аж подскочила на стуле. Ну конечно, моя небритая морда и круги под глазами возникли посреди темноты. Сам бы испугался.

– Я... я жду здесь. Извините...

Я осмотрел двери соседей. В парикмахерской никого, кроме персонала. В прачечной вообще ни души.

– Ангел, не пугайтесь так. Если не секрет, кого вы ждете?

– Детектива Саммерса, я к нему. Я звонила, но телефон, кажется, отключен. Вы не знаете, он еще работает?

– Да, отключили за неуплату, сволочи. Я – Сэм, пойдете. – Я подошел к двери и разрешил лучевой системе пропустить со мной одного человека.

Внутри офиса, где я давно не появлялся, висел вечный аромат сигарного дыма, запахи пыли и сырости. Я подошел к окну и повернул жалюзи. Светлее не стало, поэтому пришлось зажечь стоящую на столе масляную лампу.

– Вы простите за бардак, – я оглянулся вокруг и показал

даме на стул напротив моего стола, – свет тут тоже отключили. Как вы, должно быть, уже поняли, я давно не практикую.

Дама бегло осмотрелась и спешно уселась на предложенный стул.

Я открыл сейф, вынул оттуда бутылку бурбона, пару пыльных бокалов и коробку с сигарами. Деньги были на месте. Часть платежных чипов я незаметно бросил себе в карман.

– Вы меня удивили, признаюсь, – начал я, наполнив бокалы, – должно быть, вы в сильном отчаянии. Поймите меня правильно – вы в Даске, ждете детектива, который тут редко бывает и до которого не дозвониться. Хотя в центре практикуют тысячи спецов.

Лицо дамы было вытянутым, с аккуратным острым подбородком и острым носиком. Вокруг носика кучковались веснушки – редкий феномен для темноволосых да еще и голубоглазых красавиц. Глубокий вырез на платье оголял острые ключицы. Ниже я при первом знакомстве старался не смотреть.

– Я... да. Ха-ха, вы правы, глупо мне было надеяться... но вы все же появились. А значит, Дух на моей стороне.

Она очень мило смеялась. Так живо и искренно! Но, конечно, это был смех неловкости, и все же. Я давно не слышал такого в Даске. Я улыбнулся, сел на угол стола и взял свой бокал.

– Давайте выпьем за знакомство, – предложил я. Она неловко взяла бокал тонкими пальчиками.

– Ой, я Елена...

– Рад знакомству. – Мы легонько чокнулись, и я закинул содержимое бокала в горло. Да-а-а! Отличное пойло. Она сделала небольшой глоток и поставила бокал на стол. Затем мы помолчали минуту.

– Рассказывайте, что привело вас в эту дыру.

– Я... я ищу одного человека, – она подняла на меня глаза.

– Мужчину?

– Да... Он мой парень, мы жили вместе. Он пропал. Уже месяц не могу его найти. Он не приходит, не звонит, не пишет... Это... Это так внезапно!

– Обращались в Нарьян-тан? – Это был важный вопрос. Там, конечно, те еще твари. Но в нашем мире тотального глобалнета нельзя пропасть без следа. Если не прятаться профессионально, как я.

– Да. Они искали неделю, но после мне пришел отказ.

– Не понимаю? – я поднял бровь и вытащил из коробочки сигару с гильотинкой.

– Марк – так его зовут – он... он без чипа. Он чистый, вообще без имплантов.

– Сектант? Или просто из диких аборигенов?

– Нет! Он... он художник!

Я закурил сигару и выдохнул столб дыма в вентилятор на потолке. Смотреть в ее глаза было тяжело. В них была звер-

ская смесь отчаяния и надежды.

– Елена, почему вы пришли сюда?

– Офицер в полиции, с которым я общалась, посоветовал вас. Он сказал, что вы искали такого человека уже, без чипа. Я хочу, чтобы вы нашли Марка...

Я снова выдохнул столб дыма и наблюдал за тем, как он клубится.

– Искал и не нашел. Боюсь, я не смогу вам помочь.

– Понимаю... – В больших голубых глазах появился грустный блеск. Она прижала к себе кожаный клатч и встала.

– Этот город поедает людей. Особенно хороших, – сказал я ей вслед, когда она уже была у двери.

– П-простите, что отняла время. – Она не обернулась и спешно затопала каблучками по коридору.

Сука. Что я творю. Даже про деньги не спросил. И не поддержал ее никак. Ну я и тварь...

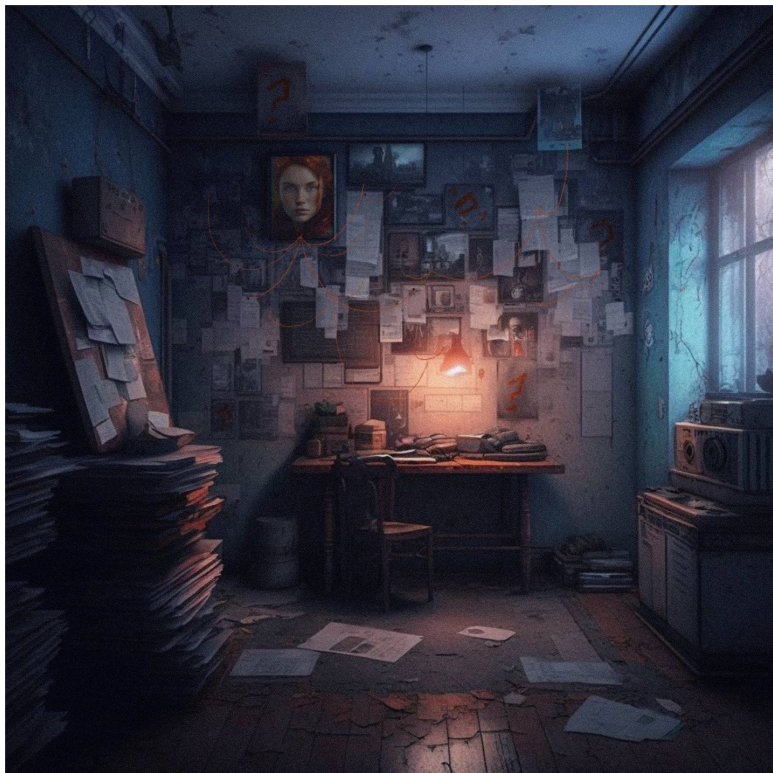
Человек без чипа. Пять лет поисков. Человек, ради которого я поставил на кон вообще все. Человек, ради которого я обезглавил Синдикат, чтобы узнать, что они были ни при чем. Затем остатки Синдиката сожгли мой дом, машину и послали ко мне убийц, сделав меня врагом номер один.

Миранда.

Миранда Сандерс.

Я подошел к пыльному книжному шкафу. Миранда. Правая книжка в верхнем ряду была рычагом. Уже три года я не открывал его. Книжный шкаф отъехал в сторону, явив кро-

щечную комнатку. Там на стенах висели фотографии, распечатки газет, кадры с камер наблюдения, приколотые иголками к стене. Между ними были красные нити, связывающие лица, события, фотографии прошлого. Я помнил все эти связи. Все они обрывались и вели в никуда. Миранда пропала из моей жизни, оставив в ней огромную дыру.

В центре стены была большая фотография высокой рыжей девчонки с бездонными зелеными глазами. В них всегда была нотка наивности и легкая, едва уловимая грустинка. В тот день мы были в парке аттракционов и дурачились в фотобудке. Вечером мы общались как ни в чем не бывало по видеосвязи. А наутро она исчезла. Город перестроил ее апартаменты. И все нити канули в воду.

Сука. Я глубоко затянулся сигарным дымом и закашлялся. Сейчас было не до смакования вкуса. Сука! Тварь! Я пнул стену с фотографией три раза подряд и ком встал в горле. Мне нужны были вещества.

Что было сил я хлопнул дверью-шкафом, погасил лампу, взял бутылку бурбона и вышел из офиса. Не зря я тут редко появлялся. Каждый раз это кончалось одинаково.

Елена не ушла далеко. Она стояла на улице, также прижимая к груди клатч. Проливной дождь насквозь промочил ее неуместное летнее платье. Нельзя было сказать, промокло ли лицо от слез или от дождя. Она стояла, будто в ступоре, смотря куда-то в пол.

– Елена, что же вы мокнете. Пойдемте, я отвезу вас домой, – показал я на машину.

– Я... вы... спасибо... – едва прошептала она, вытирая ладонью лицо.

Я снял плащ и накинул ей на плечи, оставшись с голым торсом и бутылкой в руке. Сигара мгновенно зашипела под

ливнем, пришлось ее выплюнуть.

Старичок завелся в этот раз быстро. Елена дрожала. А я переживал о том, что не успел ее предупредить о плесени на сиденье, которая непременно запачкает ее платье. Мокрая и дрожащая, она производила впечатление совершенно незащитного существа, оказавшегося неясно как в диком чужом мире.

– Холодно? Сейчас печка прогреется. Куда вас?

Она помолчала и каким-то усилием воли перестала дрожать. Выпрямилась, деловито пристегнула ремень безопасности.

– Цветочная плаза, это в центре.

Ого. Богатое место. Когда-то это были 16 малоэтажных кварталов, которые Полис почему-то накрыл стеклянным атриумом и разбил вместо дорог клумбы. Цветы там высадили уже люди.

Мы тронулись. Ливень долбил в крышу, магнитные катушки сипло выли. На горизонте вспыхнул неоном центр металлической клетки.

– Вы любили его? – спросил я, когда мы набрали летную высоту.

– Очень. Но что теперь толку...

– Надежда. Моя все еще не умерла почему-то, хоть я и травлю ее ежедневно... – Я протянул ей бутылку, и она на удивление взяла ее и опрокинула в себя. Мощно. Неожиданно.

– Надежда... Надежда – это обман, Сэм, – она скривилась, когда бурбон обжег ее горло. – Надежда – это предохранитель мозга, если угодно, спасающий его от реальности. Жить ею – значит и не жить вовсе. – Бурбон, кажется, придал ей сил, и она ожила.

– Кажется, надежда – это последнее, что удерживает меня от того, чтобы не полететь мозгом вниз с высоты. Это разве жизнь?

– Вы вольны выбирать себе жизнь, смысл и способ существования. Вы взрослый человек.

– Я хочу жить в лесу, у реки. Но могу ли я? Нет, я не могу выбраться из этой клетки.

– Это мечта, вы путаете понятия. Мечта тоже не жизнь, как и надежда.

– А что тогда жизнь? —поднял я удивленно бровь.

– Это ваш выбор. Ежедневный, ежеминутный. Вы выбираете маршрут, находясь за рулем? Выбираете. Выбираете и то, с какими мыслями просыпаться, где и с кем.

– Занятно. Я вот верю, что выбор – это иллюзия. В нашу эру ты даже кофе себе не выбираешь – за тебя, и для твоего мозга, его уже выбрали маркетологи.

Она улыбнулась краешками полных губ и замолчала.

– Марк. Чем он жил? – спросил я минут через пять.

– Он рисовал. Много и всегда вдохновенно.

– Портреты, пейзажи?

– Нет, – сухо ответила она и замолчала, сжимая губы. От-

вернулась к окну. Понял. Дальше не лезу.

Я высадил Елену. И остался на парковке Цветочной плазы. Какое-то дурацкое было чувство. Что-то внутри давило, рвалось наружу. Но ком в горле мешал. Хотелось попрощаться... Но она ничего не сказала. И я растерялся. Уже когда хлопнула дверь так, что задрожали старые стекла, она смахнула со своего браслета что-то в мою сторону. Поймал: это был ее контакт в глобалнете. Елена Кватро. На фотографии она беззаботно улыбалась. Посмотрел в эти живые глаза и живот скрутило. Зачем она мне его прислала?

Плаза сияла под стеклянной крышей калейдоскопом огней. Струи дождя преломляли его, искажали. Фасады подсвечивала художественная иллюминация, и они казались не такими уродскими, как у прочих домов. Там была другая жизнь, там цвели цветы, там не было сырости и этого вездесущего грибка. Там было чисто и спокойно. Без наркоманов в подворотнях. Без идиотов, что хотят зачем-то залезть в твое старое корыто. Быть может, там мне не пришлось бы в обход закона иметь лучевые системы безопасности.

Я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. И вот я снова стою на крыше небоскреба, где разбит небольшой сад. Меня греет солнце, и тот факт, что я – глава корпорации, которая делает что-то доброе. Большой банковский счет, пентхаус опять же. Ну и офис где-то этажами ниже, где мне особо и не нужно работать. Ассистенты, костюм с иголки. И я не парюсь. Ни о том, что деньги в сейфе однажды кончатся.

Ни о том, что менты пристанут в кофейне на районе и будут унижать. Ни о том, что недобитые остатки Синдиката найдут меня однажды. И сожгут еще одну квартиру. Или, того хуже, сначала сожгут квартиру, а потом увезут меня голым в пустыню на другое полушарие. Зачем об этом париться, когда там у меня есть частная армия и своя разведка. И силовой щит на поясе. На всякий случай. И воздух в Полисе там свежий. И сухо, но не жарко.

Вдруг на крышу небоскреба откуда-то с невидимого вертолета падают черные тросы. Разодетые в черную броню солдаты вражеской корпорации начинают штурм. Моя охрана знала, они тоже оказываются на крыше, жужжит мое силовое поле... Вот я фантазер!

Открываю глаза. Бред, морок. О чем я? Больные фантазии. Туда, наверх, нет дороги из моей точки А. Кажется, что когда-то была, будь я примерным нарьян-таном. Но там совсем другие люди. А люди ли вообще они, или путь туда открыт только монстрам?

Я посмотрел на драное пассажирское сидение своего старичка. Там платье Елены размазало плесень. Там она оставила мой плащ и какой-то прекрасный аромат, что-то нежное и едва уловимое. И максимально чужое в этой машине, где пахнет сыростью и парами алкоголя. Должно быть, она огорчится, увидев пятно на платье. Хотя у нее есть проблема похуже сейчас. И я не могу ей помочь.

Что-то зашипело на приборной панели. Старый динамик

прокашлялся, мигнул тусклой лампочкой. «...ение от городского сервиса парковки. Через пять минут начнет действовать тариф “Поминутный”».

Я выдохнул и влил в себя бурбон, чтобы успокоить бурю в желудке. Пора домой.

Три встречи

Родной квартал встречал перестрелкой где-то в соседнем дворе. Обычное дело. Я понял это по вспышкам лазеров сквозь завесу дождя. Туда стягиваются летающие машины нарьянов. Сейчас там нервно-паралитические пушки установят неизбежный порядок и закон. Пушки с их законом улетят, и на улицы вернется закон местный – закон джунглей, где выживает сильнейший. Полис как есть. Даск – район приключений. А я тут родился.

Работать сегодня не было ни сил, ни желания. Живот болел сильнее, сердце колотилось, в висках пульсировало. Ком в горле. А на лестнице и вовсе накрыла одышка. Старость? Бессонница?

Елена не шла из ума. Она сейчас, как я тогда, ищет своего Марка. Ужас, боль, отчаяние, непроходящая тревога. Я был там. Сжатые до белизны костяшек кулаки. Когда каждый шорох на лестнице, каждый писк уведомления на компьютерном браслете взрывают сердце ложной надеждой. Он мог просто загулять, обидеться после их ссоры. Уехать куда-то по делам. Мало ли? И та комната из моего офиса, куда я боялся заходить. Фотография Миранды.

У меня не было больше зацепок, где ее искать. Но было три человека, которые по моей просьбе так или иначе следят за тем, не всплывет ли она где. Разные, но по-своему надеж-

ные люди. Каждый помогал мне тогда как мог. Годы не виделись, не общались. Я закурил, стоя по традиции голышом у окна. Назначить встречи? Ой, Ульянов, пустое. Горький дым драл горло. Но, может, все же? Забудь, столько воды утекло. А если...? Бычок красной ракетой улетел в густую темноту ночи и там взорвался искрами о тротуар. К одному зайду сам. Другим через силу напишу.

Шел уже третий час ночи, а сон не шел. Мразь Котлан ответил сообщением, что не выпишет новый рецепт, пока я не пойду в психотерапию. Урод. Мне не нужен врач. Ты мне не нужен, Котлан, отвали со своими мозгоправами, слышишь? И без тебя справлюсь. Плащ не просох, пришлось надевать мокрый.

Во дворах было тихо. После перестрелки с полицией вся нечисть укрылась по своим норам. И должно быть, нервно дрожала. Моросило. Над железными улицами поднимался нерешительный туман. Он холодной пеленой залезал под одежду и заставлял дрожать. Воняло сыростью и кислятиной. Если бы я открыл свой бар, там был бы коктейль Даск, и он бы вонял так же.

Воротила у двери «Храма любви» знал меня в лицо. Мы кивнули друг другу, он забрал оружие и грубо облапал меня. За дверью лязгнул затвор, и я оказался в темном узком коридоре, освещенном красными бумажными фонарями. Коридор уходил глубоко вниз. По бокам от него за плотными багровыми занавесками ютились комнаты. Оттуда доносилась

легкая музыка и сладострастные стоны. Дешевая притворная любовь. Навстречу прошла голая мятая девица и, смотря в глаза, облизнула раздутые ботоксом губы. Прости, дорогая. Сегодня я не твой клиент.

В конце коридора еще одна дверь и пара вышибал в традиционных пустынных халатах.

– К Хану Баку, – ответил я на их немой вопрос.

Дверь простонала. Передо мной был городской коллектор. В центре полукруглого тоннеля текла река с нечистотами. У импровизированного причала стояла надувная лодка. В ней в свете факела сидела сгорбившаяся фигура в халатах и капюшоне. Холод коллектора тут же проник под плащ. Кожа покрылась мурашками. В нос ударил отвратительный запах разложения и говна.

Лодочник безмолвно помог забраться на борт, поднялся, хрустя суставами, и взялся костлявыми руками за длинное весло. Сплав начался. Тусклый факел чадил, шипел и плевался. Я старался дышать ртом и прикрывал лицо воротником плаща. Но назойливая вонь не унималась. К ней нужно было просто привыкнуть. Я же привык к Полису, к Даску... Можно и к этому привыкнуть. Я тут был редкий гость. И слава духам. Но кто-то должен был меня спасти. Я не автополис, мне нужен сон.

Когда лодка остановилась через полчаса, я бросил перевозчику пару монет из вежливости. Еще один вышибала стерг дверь в тронный зал.

В логове Хана Баку пахло благовониями, заглушающими смрад коллектора. Стены были завешаны коврами с совершенно наркоманскими геометрическими узорами. Серьезно, разум обычного трезвого человека не мог родить такую потустороннюю картину. Это был очень плохой трип, выраженный зависимыми мозгами и исколотыми руками через народное пустынное творчество.

Россыпь мягких подушек на полу. Поверх, в полубессознательном состоянии, голые девушки. Дюжина где-то. Их лица искажало наркотическое блаженство. На золотом троне в конце комнаты сидел хозяин и курил кальян. Хан Баку едва помещался на этом престоле – складки его тела растекались по подлокотникам. Смуглые чресла прикрывали с десятков тонких шелковых халатов с традиционными узорами. Из-под массивных бровей на меня поднялись раскосые черные глаза-буравчики.

– Сэээээм! Мой мальчик! Сэм! Иди же скорее сюда! – встретил меня низкий барский голос. Полная фигура с трудом поднялась с золотого трона и расставила короткие руки. Я подошел и приобнял его. Жидкие волосы на шаре головы пахли лавандой.

– Хан, большая честь, —я поклонился традиционным по-

клоном пустынь.

Хан – это имя. Формально он вождь племени кочевников. Когда его отец умер, Хан унаследовал власть и привел своих людей в город, покончив с кочевым образом жизни. Он искал для них лучшей жизни, но Полис распорядился иначе. Не найдя себе применения, его люди заняли свое место в криминальном мире Даска. Хан для них так и остался вождем. И он был мне изрядно должен.

– Располагайся, дорогой гость, выбирай себе красотку, расслабляйся!

– Твои жены все красавицы, вождь Баку, – я оглядел смуглянок на полу. – Но не сегодня.

– Садись, правды нет в ногах.

Я выбрал подушку почище и уселся. Тут же откуда-то появилась голая красотка с подносом, на котором дымились крошечные глиняные кружечки. Я посмотрел на Хана. Он кивнул – «Просто чай, просто чай, не бойся!».

– Есть для меня новости? – начал я с важного.

– Сэээээээм! Столько песка утекло... Ветра пустыни молчат, – он тоже взял кружечку с подноса и прихлебнул. Чай был с молоком и какими-то пряностями. – Мои соболезнования...

– Рано, я надеюсь, рано...

– Ну, ты всегда можешь найти себе новую подружку! – он по-барски обвел рукой свой гарем. Вдруг откуда-то заиграла легкая традиционная музыка. Кажется, это были флейты и

барабаны.

– Спасибо, спасибо... Но я за другим.

– Слушаю, – улыбку на его лице сменила деловая серьезность.

– Я... я хочу спать, – устало выдохнул я. Чай и благовония каким-то образом размочили черствый сухарь моего напряжения. – Я хочу забыться... Ну не я, но моему мозгу и телу нужно это. Нужно что-то такое, чтобы не подсесть. Мой врач отказал в новом рецепте...

– Тю! Да ты по адресу! Не вопрос! – Он закатал рукава халатов на левой руке, и над его золотым браслетом появился голографический экран. Там что-то мигнуло. – Мгновение, мгновение, Сэм. В наше время у вас, городских, это реальная проблема. Все куда-то спешат, бегут, летят... Когда спать? Деньги, деньги, нужно делать деньги! Люди ходят на нелюбимую работу, чтобы общаться там с людьми, которых ненавидят. И торчат там сутками! Чтобы заработать на содержание людей, любить которых у них нет времени. Это жизнь, Сэм?

– Слава духам, больше не моя жизнь.

– Вот! Ты вырвался из этого колеса обреченности! Обрел свободу!

Я задумался. Свобода ли это? Жизнь ли это?

– Тебе осталось найти свой итум, Сэм. Я вижу, что без него ты не полон.

– Кого? – поднял я глаза на Хана.

– Итум – так говорят в Песках. Это можно назвать смыслом, призванием. А что жизнь без него? – Он затянулся дымом из трубки кальяна и выдохнул в мою сторону ароматы ванили. – Дым!

– Мой итум пропал без вести...

– Аааааа, Сэм. То женщина, не итум. Итум – это ты. А женщина – это женщина. Смотри, сколько их у меня! Жил же ты до нее как-то? О чем-то мечтал, куда-то стремился?

– А твой итум? – я постарался перевести фокус.

– Мой? Вот он я! – он снова по-барски развел руки и оглядел комнату с роскошными коврами и подушками.

– В вонючей канализации, в подполье?

– О, Сэм, это то, что видишь ты! Я же живу с любимой семьей и братьями по духу, окруженный любовью и преданностью. И мне не нужно проводить сутки, в погоне за деньгами. Люди сами мне их несут.

– Ты торгуешь наркотиками и оружием, Хан, – этого ты всю жизнь хотел? Этой жизни искал для своего народа? – Как же мерзок он был мне. Как же мерзок я был себе, оттого что пришел сюда.

– Это форма, Сэм. Содержание – тут, – он постучал толстым пальцем с перстнем по голове.

– Ты торгуешь смертью, Хан, это твой «итум»? – внутри меня поднималась волна. И я на ее вершине огненным мечом справедливых речей караю этого подонка. Ему нечего сказать, он кается... Но его ответ вернул меня из фантазии

в реальность.

– Ты так говоришь, будто наркотики и оружие ходят сами по улицам и убивают людей. Нет, Сэм. У людей всегда есть выбор, как жить свою жизнь. Потреблять или нет вещества. Стрелять или не стрелять в других. Я никого не тащу сюда силой. Мне, в отличие от корпораций, не нужны билборды и реклама. Не нужны мне армии маркетологов в белых сорочках, понимаешь?

Толстое ничтожество. На огненный меч речей нужны были силы. А для сил нужно было выпасться хоть раз.

– Какой выбор? – все же попробовал я воспламениться. – Город и корпорации создали такие условия, что выбраться из Даска невозможно, если ты не родился с золотой ложкой во рту! – я повысил голос, но на лице Хана не дрогнул и мускул.

– Ты родился в Даске и сделал свой выбор – ты служил закону, Сэм. Но твоя женщина пропала, и ты сделал другой выбор. Ты его постоянно делаешь. Ты мог бы пойти к псионикам, чтобы спать нормально, но пришел ко мне. Ты снова сделал выбор.

Где-то я эту чушь про выбор уже слышал. Точно, Елена.

Вдруг один из ковров на стене распахнулся и в комнату вошел здоровый варвар. Мускулистое тело украшали какие-то племенные татуировки, и оно блестело так, будто все было в масле. Наготу скрывала только лиловая набедренная повязка. Он молча подошел ко мне и протянул небольшой металлический портсигар. Я кивнул, он раскланялся и удалился.

– Что это? – спросил я у Хана.

– Хирургический наркоз. Вырубает часов на 12, никаких сновидений, мирный, глубокий сон. И никакой ломки, никаких последствий. Под ним ставят импланты. Единственное, советую не пить много перед сном... А то, знаешь...

– Открыл для себя новый рынок?

– Есть спрос, есть спрос, мой мальчик...

Я покачал головой. Одним черным хирургом на районе стало больше. Они ставят нуждающимся новые синтетические органы в кредит, а потом изымают их, если человек не платит. Изъятые органы потом ставят кому-то еще. Грязный и мерзкий рынок. Мне стало тошно от этих мыслей.

– Сэм... ты хороший человек. Найди свой итум, – Хан пронзительно посмотрел на меня из-под огромных бровей.

– Спасибо за заботу. Запиши это на мой счет, – я потряс портсигаром.

– Всегда рад помочь! Надеюсь, однажды я смогу расплатиться! – Он усмехнулся, и я вышел обратно в канализационную вонь.

Дело Хана было последним моим делом. Я тогда вводил в курс работы другого следователя. И уже знал, что ухажу от лицемерия и грязи Нарьян-тана. Улик хватало на казнь вождя Баку и еще трех его братьев. Но мне нужны были связи в подполье, чтобы найти Миранду. Поэтому я совершил свое первое преступление против закона. И главное – против себя. Первое среди многих преступлений против сове-

сти. Часть улик, о которых знал только я, пропала из его дела.

Я, как сейчас, помню ту ночь. Смотрел часами в окно и выпил, наверное, три бутылки бурбона. Я уже знал, что Синдикат не имеет отношения к ее пропаже. Поэтому мне срочно нужна была другая зацепка, другие люди в криминальном мире. Потому что в мире корпораций все концы уже канули в воду. Хан предлагал деньги, но я истерично смеялся ему в лицо. Всю ночь я ходил из угла в угол. Торчал в баре. Смотрел тупые азурские сериалы про покорителей новых планет.

Это оказалось на удивление легко. Хан получил условный срок. А я – его кровную клятву найти Миранду. И он отнесся к своему обязательству со всей серьезностью кочевника – за год его соплеменники поставили на уши весь криминальный мир Полиса. Но и этого было недостаточно. Каким бы он ни был ублюдком и тварью, он обещал помогать до тех пор, пока судьба Миранды не прояснится.

Дома я открыл портсигар. Три медицинские колбы, резиновый жгут, комплект стерильных шприцов. Набор юного наркомана. Я встал перед грязным зеркалом. Круги под глазами захватили половину щек. Волосы нечесаные. Трехдневная щетина. А может, и старше. Перегар еще этот. Какой выбор, что они несут? Я выбирал это? Я? Я ударил кулаком в старую плитку на стене. Еще и еще раз. Чтобы до крови, чтобы почувствовать хоть что-то.

Говорить про выбор могут те, у кого все сложилось. Елена живет в Цветочной плазе. Значит, есть на что? Хан окружен

преданными родственниками и деньгами, которые он сделал на крови. Мой же пазл не сложился, а рассыпался. Когда я понял, что Миранда не отвечает третий день. Когда понял, что ее дом перестроил Полис. Когда я обзвонил все морги и больницы. Когда коллеги сказали, что ее нет на камерах наблюдения. Какой у меня был выбор?

Я выбрал быть другим, не таким, как все в Даске? Или это слова матери о том, что я особенный? Это я выбрал быть полицейским, потому что хотел справедливости? Или это история матери и погибшего отца-офицера? Как бы там ни было, справедливость оказалась никому не нужна.

Болезненное откровение. Люди жаждали мести от полиции, а не справедливости. Им нужна была расплата за то, что кто-то причинил им боль. Эта редкая монета, справедливость, не была в ходу даже в Нарьян-тане. Там всех заботили лишь КРІ по раскрываемости. Даже если на скамье подсудимых оказался невиновный. Раскрыли же?

Раскрываемость и PR – о да. Если люди не будут любить танов, и в СМИ будут писать о них плохо, Дом Наг тогда может не продлить полицейский контракт. И тогда другая корпорация возьмется ловить преступников. И отмазывать за деньги тех, кто сидеть не хочет. Справедливость – лишь видимость и PR-конструкт для масс. Примитивный социальный конструкт, усыпляющий бдительность безмолвной массы. Я выбрал такой мир? Я?

Место укола жгло. Я отпустил жгут и упал на сырую по-

душку. Забери меня, Морфей. Слышишь, сука, забери меня отсюда! Я так больше не могу.

Солнечный день. Свет в глаза. Вокруг какие-то белые деревья с черными черточками на стволах. Я такие видел только на картинках в детских учебных программах. Низкая мягкая трава. Жажда мучает. Нужно смыть кисловатый привкус во рту. Колодец как раз рядом. Каменный, с воротом и ведром. Как строят кочевники в оазисах. Прошли ли мои круги под глазами? Наклоняюсь над глянцевой живительной водой... Но там нет меня. Я трогаю лицо – оно на месте. Щетина, кривой нос от матери. Но меня нет в отражении. На зеркальной глади воды только длинные ветки деревьев, нависших над источником. Меня там нет. Я бью воду. Ну же, покажи меня! Где я! По воде идут круги, небо и ветки расплываются. Покажи же, ну! Почему там нет меня! Где я? Слышишь, вода, покажи! Бегу прочь.

Я на полу. Ползу куда-то. Ноги дергаются. Я их не чувствую. Живот вывернуло прямо на пол. Кислая горечь во рту. Сука жирная! «Никаких сновидений, мирный, глубокий сон». Всюду ложь! Руки налиты кровью, вены вздулись. Дыши, дыши! Желудок настроен решительно против меня. Пол расползается в глазах странными узорами, сошедшими с ковров Хана Баку, и наступает мне на лицо со всей силы. Лечу во тьму.

Солнечный день. Что-то так назойливо жужжит... Что-то

среднее между детской заводной игрушкой и соседом с дре-лю. Снова сон? Надо мной родной потолок с грязной люст-рой-вентилятором. Содержимое желудка воняет рядом. Точ-но, моя комната. Что за жужжание? Сонные глаза оглядыва-ют пространство. Холодильник! О дух, за столько лет я толь-ко сейчас обратил внимание на его шум.

Чувства будто обострились. Отчего-то остро хотелось жить. Это наркоз, или я просто выспался?

– Кира! – крикнул я в сторону кухни, чтобы проверить реальность. Удивился звонкости своего голоса. – Который час?

– Текущее время – четырнадцать сорок восемь, – сухо от-ветила подруга.

Выходит, я спал больше десяти часов? Тело легко вскочи-ло на ноги. Я был у Хана... О дух. Я посмотрел на портси-гар со шприцами. Жгут на мятой постели. Потная подушка. Шприц на полу. И лужи блевотины. Мог ведь и захлебнуться ею. Сколько я таких трупов видел на работе?

Духи, как же низко я пал. Куда ниже, Ульянов? Хотелось не просто помыться, но и отшкрябать с себя мочалкой весь прошлый день. Это дно, Ульянов. Осталось сторчатся и на-чать торговать телом в канализации Хана, чтобы у него же получать дозу. Жирные пьяные варвары будут лапать меня, утоляя голод своего тела. Кем я стал? Снова тошнота под-ступила от этих мыслей.

«Кира, воды!». Автомат зажужжал, пару раз прокашлял-

ся. Я взял одноразовый стаканчик и заглянул внутрь. Вода отразила небритую морду с угольками глаз. Колодец... Сон? Там было еще что-то, кроме колодца. Я бежал за кем-то, за кем? Дрался? Мятое лицо молча смотрело на меня из стакана. Что дальше, Ульян? Стакан мелко дрожал в руке, лицо в нем покрылось рябью. Но по-прежнему молчало. Никто не знал.

Выпил залпом. Чушь. Нужно было уже побриться и прибраться. И проветрить бы.

«Кира, включи новости». Она поворчала, мурлыкнула что-то на своем техногенном и включила голографический проектор на стене. Я начал приводить в порядок себя и жилище.

«...И к главной новости дня. Сегодня ночью, ровно в четыре ноль ноль, автополис на Сигеле впервые за все время своего существования запустил на орбиту собственное небесное тело...» – вещал голос с экрана. Я замер с зубной щеткой во рту и вышел голый из ванной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.